

СОСЕДИ ПО ВРЕМЕНИ

НЕЖДАННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Был Павленко живой, горячий, щедрый на выдумку... Всегда о ком-то заботился, кого-то опекал, кому-то был очень нужен. Возле него ужасно все, кто еще мог поужинать.

Из очерка А. Кривницкого «Узор ковра».

Печальный звонок раздался во второй половине дня. «Николай Николаевич умер», — чуть слышно проговорили в телефонную трубку. Но тишина подчас взрывается сильнее бомбы. Известие это буквально оглушило. Сердце словно кто-то медленно потянул из груди.

Только вчера я с ним виделся, разговаривал. Светлые глаза задорно блестели из-под круглых старомодных очков. Длинные нервные пальцы мяли «гвоздик», как он называл маленькую тонкую папироску «Север». Мне всегда казалось, что их уже давно не выпускают табачные фабрики. Курят теперь чаще сигареты или в крайнем случае папиросы «Беломор». А Николай Николаевич Кружков где-то их доставал, свои «гвоздики». «Меньше драки попадает вовнутрь, — сопровождал он всегда такими словами первую затяжку, как бы оправдывая дешевизну любимых папирос. — Да и привычка».

Покряхтывая, как обычно, и малость заикаясь, он говорил вчера прихвостным голодом, передавая мне толстую канцелярскую папку, картонные крышки которой были аккуратно завязаны черными тесемками бантиком:

— Посмотри, пожалуйста, может, пригодится... Здесь неизвестные письма Фадеева. И еще кое-что... Увидишь, словом... Посмотри.

Николай Николаевич обладал удивительным характером: никогда не терпел чувства оптимизма. А уж всяких невзгод на его долю хватило с лихвой. И не терпел друзей. Наоборот, с годами их становилось больше, хотя время, как известно, диктует здесь иные законы: чем больше тебе лет, тем уже круг друзей. А Николаю Николаевичу было уже далеко за семьдесят. В тридцатые годы читатели «Правды» всегда с интересом встречали его фельетоны, подписанные псевдонимом Ник. Крив. Они отличались в ряду других фельетонов не только своей необходимостью, но и огранкой формы, что придавало им особый блеск. Первые годы войны полковник Кружков был заместителем главного редактора «Красной Звезды», где работал в ту пору и Александр Юрьевич Кривницкий.

Попрошавшись с Николаем Николаевичем, я бегом осмотрел содержимое папки. Кроме писем, в ней оказались три фотографии — это были снимки, сделанные самим Фадеевым в Ялте в мае 1937 года, и его маленькая повесть «Амгунский полк», выпущенная Детгизом в 1934 году с дарственной надписью на титульном листе. Сочинялась надпись явно в веселую минуту: «Милой Талке — эту детскую книжечку. А. Ф. 7.II.35 г. Москва кв. Луговского, у которого книжечка утрачена автором». Разобравшись в папке повнимательнее решил на досуге. А он, досуг этот, все как-то не получался. Недели бежали. Захватывали другие дела. Более внимательное знакомство с папкой откладывалось дальше и дальше. И вот очерк «Узор ковra» о Павле Павленко, которым открывается книга «Как ловят крабов в Сан-Франциско», живо напомнил мне и о встрече с Николаем Николаевичем, ставшей последней, и о папке. Ведь среди трех фотографий, хранящихся в ней, над двух был

изображен Павел Павленко, а в одном из писем Фадеева встречается его имя.

С трепетом снова открыл папку. Снова глянули на меня фотографии: на одной Павел Павленко изображен в элегической позе: сидит в задумчивости у скалы, скрестив на коленях руки. На другой он, в плаще и кепке, в ветреный день рядом с актрисой Тамарой Федоровной Адельгейм, той самой Талкой, которой адресована дарственная надпись на повести «Амгунский полк». Тамара Федоровна позднее вложила немало труда в создание музея А. Фадеева в дальневосточном селе Чугуевка, где писатель провел юношеские годы.

Человеческая память обладает одним удивительным свойством: стоит с одной из ее «полок» извлечь даже незначительный факт, как за ним посыплются другие, дополняющие, обогащающие его новыми деталями. Фотографии с Павлом Павленко перенесли меня в московскую осень 1939 года, в Дом кино на Васильевской улице. Павел Павленко стоит на лестничной площадке возле просмотрового зала, прислонившись спиной к стене. Возле него кружок людей, в котором особо выделяется высокая красивая женщина. Идет разговор о том, что просмотренном фильме «Шорс». Не помню сути разговора. Но ясно представляю себе длинное лицо Павленко, его застенчивую улыбку, очки в металлической оправе. И отчетливо помню слова: «Ну, будет, будет...» Ведь получился фильм! — мягко говорит он, словно умеряя горячность спора, бушевавшего вокруг него.

В очерке «Узор ковra» А. Кривницкий рисует Павла Павленко человеком застенчивым и напористым, заботливым и надежным, словом, человеком, очень нужным всем. Эта черта характера Павленко проглядывает в письме А. Фадеева от 25 февраля 1941 года московскому адресату, в котором речь шла о каких-то сложных кинематографических делах. Сложных потому, что их решить благоприятно не могли многие, в том числе даже Эйзенштейн. Тогда в дело вмешались П. Павленко. «В результате и Павленко «отступился», — пишет А. Фадеев. — других путей для помощи в данном (подчеркнуто А. Ф.) случае у меня нет». В этих словах чувствуется, что Павел Павленко был последней надеждой на успех, а уж если такая сила не смогла сработать, значит, это конец.

Писем Александра Александровича Фадеева было в папке четырнадцать, датированных 1931, 1936, 1937, 1941, 1948, 1950 годами, и четыре записки 1937 года. Все они носят личный характер. Но есть в них строки, представляющие общий интерес, дополняющие облик А. Фадеева особыми красками. На эти строки и обратим внимание. Вот он пишет в Москву из Парижа 13 июля 1937 года:

«...Я же предпочитаю путешествовать по Франции и долгие пожить в Париже, чтобы осмотреть все, что может представлять интерес как для художника». Двумя

словами «я же» А. Фадеев как бы отделяет себя от тех, на которых «ужасно смотреть со стороны», ибо эти люди «задыхаясь от жадности, на деньги, выданные им государством, накупают... барахла, и на этот процесс уходит у них буквально все время».

Сколько в этих словах брезгливого презрения к тем, кто заражен, как мы сейчас говорим, «вещизмом», для которых весь свет искусства сошелся на модели каблука и модном покрое брюк. Слова писателя, сказанные свыше 40 лет назад, с некоторыми поправками не потеряли своего значения и в наши дни.

А. Фадеев озабочен другим:

«Я очень боюсь, что мне не скоро удастся попасть за границу: придется сесть работать дома — прочно и надолго, — да ведь возможна и война. А тут много интересного, поучительного, чего никогда не постигнешь по книгам...»

Не могу переждать тебе, сколько я не услышал и не увидел только (подчеркнуто А. Ф.) благодаря незнанию языков. Не повезло мне и с той стороны, что жена Арагона — Эльза — весь этот месяц пролежала больной — перитонит. Единственный товарищ, который мог мне здесь многое показать и объяснить, оказался болен. Конечно, я находил себе других переводчиков (так, например, во время путешествия по Бретани мне была переводчицей жена Толстого, с которым мы за эту поездку сильно сдружились).

Сейчас я думаю взять за бок работающего здесь на выставке советского писателя Виктора Финка — он мне поможет. Хочется видеть Лувр, выставку современной французской живописи, домик Родена, который я видел только снаружи, хочу посмотреть Сену — реку, описанную самыми лучшими реалистами XIX века (правда, я потратил много дней, гуляя по набережной этой прекрасной реки, но я многого не знал), и хочу ближе узнать рабочие кварталы Парижа, по которым Арагон поводил меня слишком поверхностно».

Жажда познать за короткий период как можно больше жизни другого народа во всех ее измерениях, проникнуть хоть краешком глаза во все слои французского общества; оторочение от бессилия сделать это самостоятельно — вот что звучит в этих строках А. Фадеева. И еще искренность, с которой они написаны.

Несколько лет назад я слышал такой разговор в элитарной. Он и Она, одетые с претензией на артистизм, заинтересованно обсуждали неудачу того-то из московских художников. В этот день состоялось открытие в Манеже выставки, и его работа не попала в экспозицию.

А! — с некоторым пренебрежением произнес Он о художнике. — Современный инвалид первой группы. Вот и завалили...

Что это значит? — спросила Она.

Нет руки в сферах...

Этот ставший теперь уже анекдотом разговор очень точно отражает бытующий, к сожалению, еще кое-где порядок: используя связи, давление, зависимость, в общем, «руку в сферах», вскочить на пьедестал не по заслугам.

Вот от этого фаворитизма, дельчества и предостерегает Александр Александрович своего друга актера в письме к нему от 2 июня 1950 года.

«Надо в твоей работе, очевидно, искать все-таки выход не в таких необычных, связанных с решением «высоких» инстанций формах, а добиваться успеха и признания на почве обычного для артистов эстрады повседневного «черного», но от этого не менее благородного труда...»

О доброжелательности, отзывчивости, внимательности А. Фадеева говорит всякий, кого близко столкнула с ним

жизнь. Многогранен был этот человек. И каждая грань светила по-своему. Поэтому у каждого был свой Фадеев.

Я знал на протяжении двух десятков лет замечательного писателя, в свое время эмигрировавшего из Венгрии, спасаясь от фашизма, коммуниста Антала Гидаша. Неоднократно встречался с ним сначала в Москве у Вадима Кожевникова, а затем, после освобождения его родины от фашизма, в бесконечно любимом им Будапеште Антал Гидаш был, кстати говоря, зятем Беды Куна — одного из создателей и руководителей Компартии Венгрии, стоявшего у истоков Венгерской советской республики 1919 года, которую горячо приветствовал В. И. Ленин. Так вот, Антал Гидаш мне рассказывал однажды весной 1974 года в Будапеште о своем, как он выразился, «обвале» в жизни, больно придавившем его.

Обвал этот наверняка вообще раздавил бы меня, — говорил он тогда тихо, с заметным акцентом, — если бы не друзья и особенно Саша. Он меня вызволил... И первый костюм после моего возвращения в Москву в 1944 году был с его плеча. А ведь Саша рисковал в ту пору и положением, и репутацией, словом, очень многим.

Эту историю с Анталом Гидашем опять же напомнил мне письмо А. Фадеева от 12 августа 1948 года руководству Хабаровского края. Повод для хлопот был не такой уж исключительно важный и рискованный, как в случае с Гидашем, но он подтверждает одну замечательную черту характера А. Фадеева: все, что касается судьбы или нужды человека, — все было для него близко и важно.

А. Фадеев пишет:

«Обращаюсь к Вам с товарищеской просьбой, как человек, хорошо знающий местные условия: помогите бригаде московских артистов эстрады, выехавших на Дальний Восток на гастроли, в смысле организации ее выступлений. Очевидно, им нужно помочь связаться с теми или иными руководителями учреждений и предприятий, в подыскании мест для выступлений, в обеспечении гостиницами и проч.

Разумеется, я далек от мысли обременять Вас лично всеми этими заботами, на это в бригаде есть администратор, но я прошу посодействовать в организации всех этих дел».

Заметьте, письмо писалось вскоре после войны. В ту пору другие, более существенные заботы окружали нас со всех сторон. По горло были заняты ими и хабаровские товарищи. Но они живо откликнулись на просьбу своего знаменитого земляка. И помогли артистам. Хорошо помогли. Концерты прошли с успехом. Писали об этом дальневосточные газеты, с удовольствием вспоминали московских артистов в Хабаровске. Комсомольск-на-Амуре и других городах. Так уверенно я пишу об этом потому, что в то время был в тех краях.

Все мы живем в одном большом доме. Имя ему — Земля. И живем мы все на одном этаже — в XX веке. Все мы, значит, соседи по времени. Я рассказал лишь о некоторых, с которыми столкнула меня жизнь, а выхватить их из памяти помогла книга Александра Кривницкого «Как ловят крабов в Сан-Франциско». Образы прошлого как бы вернулись в сегодняшний день.

Люди возвращаются неожиданно. Какие они разные, эти соседи. Но хороших больше, их легион.

И это радует.

Будущее рисуется ярким.

Борис ИВАНОВ.

● Павел Павленко. Крым. Май, 1937 год.
Фото А. Фадеева.